

Леонтьев Константин Николаевич

**Отшельничество, монастырь и
мир**

Их сущность и взаимная связь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Николаевич Л.**
Отшельничество, монастырь и мир: Их сущность и взаимная связь / Леонтьев Константин
Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 48 с.

ISBN 978-5-519-93186-1

ISBN 978-5-519-93186-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

П И С Ь М О 1-е.

1-го Июня; 1872 г. Св. Гора.

Вотъ уже болѣе полугода какъ я живу на Аѳонѣ, или «скитаюсь по его окрестностямъ»; но самое даже краткое пребываніе за чертой его для меня тяжело.

Я многому научился и многое забылъ.—Я понялъ вещи, которыя прежде мнѣ были странны и чужды и дивлюсь теперь, какъ могли онѣ быть мнѣ чужды.—

Я многое видѣлъ и многое прочелъ. На столѣ моемъ рядомъ лежатъ Прудонъ и Пророкъ Давидъ, Байронъ и Златоустъ;—Іоаннъ Дамаскинъ и Гете;—Хомяковъ и Герцень.— Здѣсь я покойнѣе, чѣмъ былъ въ міру;—здѣсь я и міръ люблю, какъ далекую и безвредную картину... Я съ удовольствіемъ думаю иногда о жизни большихъ городовъ, о далекой родинѣ нашей, о прежнихъ друзьяхъ, объ умершихъ и близкихъ намъ людяхъ...

Аѳонъ и отъ политическихъ вопросовъ не отдаляетъ вполне человѣка, если онъ *хочетъ* самъ за нами слѣдить; конечно гораздо менѣе, чѣмъ жизнь иныхъ округовъ въ Россіи.— Здѣсь ежедневно слышишь новости о Болгарскомъ вопросѣ;—о перемѣнахъ министертвъ въ Царьградѣ;—есть *оттѣнки* и на самомъ Аѳонѣ;—газеты приносятъ европейскія извѣстія;—безпрестанно пріѣзжаютъ изъ Россіи поклонники и слышишь ихъ сужденія о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ... А между тѣмъ все тихо;—жизнь течетъ правильно безъ суеты и грома.—Застоя нѣтъ;—жизнь не засыпаетъ и трудъ виденъ вездѣ.—Въ лѣсахъ встрѣчаются тебѣ пѣшеходы, монахи, рабочіе Болгаре, или Греки;—бородастые поклонники русскіе;—кавассы монастырскіе въ фустанеллѣ воинственной и съ ружьемъ;—встрѣчаются мулы, навьюченные камнями, досками, или чѣмъ нибудь инымъ. Дороги чинятъ;—надъ ручьями и пропастями подѣланы прочныя мосты;—безпрестанно попа-

даются кресты на поворотахъ и границахъ;—фонтаны для проходящихъ и на нихъ надписи благочестія;—иногда въ глуши лѣса видишь около дороги небольшую икону, вставленную въ кору платана, или дуба.—На далекія разстоянія проведена съ горъ хорошая вода по простымъ, деревяннымъ желобкамъ... Путникъ идетъ и вода,—то бѣжитъ рядомъ съ нимъ по землѣ, то журчитъ и каплетъ сверху, когда желобокъ поднять на столбахъ и перекинуть надъ дорогой... Вездѣ изъ зелени кустарниковъ и лѣса видны бѣлые домики; это пустынные *келліи*, цѣлыя хозяйственные жилища съ домовыми церквами, и хижины, *пустыньки* безъ церквей.—Тамъ и сямъ воздвигаются новыя постройки; строятся новые храмы, новые скиты и новыя келліи.—Слышишь много жизни, но не видишь грома и суеты.—Все здѣсь растетъ какъ-то незримо и безъ того шума неосмысленнаго и холоднаго, который такъ нестерпимъ иногда и въ небольшихъ городахъ, если только они увлеклись промышленнымъ потокомъ...

И многому здѣсь научился и многое узналъ;—впрочемъ многого я и не видѣлъ;—иные прѣзжая на Аѳонъ, ищутъ съ особенной любовью древностей;—но я еще ни въ одну монастырскую библіотеку не входилъ;—рукописей древнихъ не смотрѣлъ и смотрѣть не буду.—И вѣрю на слово, что это все поучительно и драгоцѣнно.—

Легкая, или тяжелая постройка собора; изящество купола;—выборъ цвѣтовъ для окраски стѣнъ церковныхъ и крышъ, конечно, занимаютъ меня гораздо болѣе. Любопытно сравнивать древне-Византійскія зданія съ новыми постройками;—или древнюю иконопись съ нашей нынѣшней русской, или даже замѣчать разницу въ убранствѣ монастырскихъ пріемныхъ у Грековъ и Русскихъ.—Можно легко убѣдиться, наблюдая все это, какъ почти все, что кажется до внутренняго убранства храмовъ:—иконопись, иконостасы, облаченія у русскихъ лучше, чѣмъ у грековъ, какъ-то изящнѣе, *живѣе*, такъ сказать, и благолѣпнѣе. Пѣніе наше Церковное съ Греческимъ, ты сама знаешь, и сравнить нельзя! За тѣмъ у Грековъ и Болгаръ постройки лучше, больше вкуса, больше прочности, больше фантазій Восточной и архитектурной поэзіи;—наши, къ несчастію, слишкомъ склонны, слѣдуя полу-нѣмецкой казенницѣйшей, къ казарменнымъ линіямъ, къ бѣлымъ штукатуреннымъ, прямымъ стѣнамъ, къ зеленымъ

крышамъ и куполамъ, тогда какъ зеленый цвѣтъ и для виду на *естественной* зелени самый невыгодный и непріятный, и уже слишкомъ напоминаетъ загородный домъ разжившагося, русскаго Нѣмца.—Вообще на русскихъ постройкахъ замѣтны слишкомъ слѣды нашихъ казенныхъ архитекторовъ, воздвигавшихъ по всѣмъ уѣздамъ и губерніямъ станціи жолтыя, казармы бѣлыя, церкви бѣлыя съ зеленымъ....

Въ Греческихъ и Болгарскихъ комнатахъ и пріемныхъ также больше Восточнаго простора и величавой Турецкой простоты:—коверъ, диванъ вокругъ стѣны, каминъ хорошій въ средней стѣнѣ, или даже русская печка; въ иныхъ пріемныхъ колонки, раздѣляющія комнату на двое, на возвышенную половину, на ту, гдѣ почетный диванъ, и на небольшое предверіе. На русскихъ гостинницахъ для пріѣзжающихъ очень тепло и во многомъ удобно;—но русскіе ужъ слишкомъ падки до плохой *европейской* мебели, до маленькихъ, неудобныхъ диванчиковъ съ разными зигзагами, до множества стульевъ, которые гораздо болѣе были бы на мѣстѣ въ пещерахъ аскетовъ, чѣмъ въ комнатахъ, которыя назначены для успокоенія и пріема гостей. Большая также страсть къ маленькимъ картинкамъ и множеству мелкихъ фотографій по стѣнамъ; къ вязаннымъ *ajour* скатертямъ и къ женскимъ печатнымъ, дешевымъ платкамъ, которые служатъ здѣсь вмѣсто столовыхъ покрывшекъ... Однимъ словомъ,—въ пріемной Греческой, или Болгарской какъ будто видишь передъ собой почтеннаго турка въ чалмѣ и широкой одеждѣ, курящаго чубукъ;—а на русскихъ гостинницахъ скорѣе вспомнишь своего знакомаго Карла Иваныча, которому Марья Ивановна готовитъ къ именинамъ вязанный, или вышитый по канвѣ сюрпризъ.—

Разумѣется изящество и *хорошая*, а не ложная простота въ этомъ случаѣ на сторонѣ Восточныхъ жителей. Впрочемъ, относительно построекъ надо сказать въ оправданіе русскихъ монаховъ двѣ очень важныя вещи.—Конечно, я того мнѣнія, что *комната*, жилище самаго монаха должна быть сурова, проста, пуста, даже тѣсна... Но весь *монастырь*, если онъ имѣетъ средства, его храмы, всѣ зданія его должны быть красны, изящны и величественны.—У Грековъ и Болгаръ обителіи или давнія, построенныя еще по хорошимъ образ-

цамъ и подъ вліяніемъ болѣе свободнаго полета идеальной мысли, чѣмъ нынѣшній ея полетъ, подстрѣленный утилитаризмомъ.—Но наши монахи принесли сюда изъ Россіи въ воспоминаніяхъ какіе образцы?... Можно ли ихъ винить за недостатокъ вкуса, когда едва-едва съ половины прошлаго царствованія высшій кругъ нашъ, люди власти, и сами художники наши обратили болѣе серьезное вниманіе на Византійскій стиль?... Послѣ *Голландскихъ*, скромныхъ вкусовъ Петра Великаго мы пережили Renaissance Казанскаго Собора и *rococo*, и только очень недавно стало замѣтно болѣе самобытное движеніе архитектурной мысли.—

Иные люди находятъ, что попытки эти новыя все еще довольно слабы, что Исаакіевскій соборъ представляетъ нѣчто вродѣ верха Св. Петра Римскаго на корпусѣ какого-то Англійскаго банка;—что милая, теплая, пестрая часовня, построенная на Невскомъ проспектѣ, не легка, вдавлена въ землю, что новая, Греческая Церковь на Лиговкѣ тоже имѣетъ свои недостатки...

Я не архитекторъ и не археологъ;—я въ этомъ дѣлѣ только *одинъ голосъ изъ толпы*, но имѣю глаза и чувства.—Я кой-что знаю и очень многого не знаю.—Помню многія названія безъ смысла и знаю перѣдко мысль, но не умѣю ее назвать какъ слѣдуетъ.—Но я, мнѣ кажется, *все понимаю*, когда со мной говорятъ художники и археологи.—Я хочу только сказать одно, что *нынѣшнее направленіе* архитектуры Русской лучше, плодотворнѣе прежняго.—Есть стремленіе къ *личному творчеству въ предѣлахъ* обычая или устава;—а это, мнѣ кажется, и есть существенное условіе *своего стиля*.—Чтобы яснѣе представить это направленіе лучше всего сравнить Зимній Дворецъ съ Новымъ Московскимъ въ Кремлѣ; или вспомнить, какъ недавно у насъ стали возможны такіе дома какъ домъ Іерусалимскаго Подворья въ Петербургѣ, около дома Бѣлосельской.—И такъ, если наше высшее общество, наше Государство, нашъ Дворъ, наша художественная интеллигенція, наша Академія только что вышли на лучший путь....., то какое же право имѣемъ мы строго судить вкусъ нашихъ Анонцевъ, которыхъ вожди принесли сюда въ 30-хъ и 40-хъ годахъ и дали что могли....

Другое оправданіе для нихъ вотъ какое.—

Старыя зданія у Грековъ и Болгаръ—старыя; они origi-

пальны.—А новыя, напримѣръ въ Зографѣ Болгарскомъ и въ Ватопедѣ Греческомъ положимъ прекрасны;—они построены изъ хорошаго тесанаго камня, *не стѣша*, со вкусомъ, съ просторомъ, съ прочностью.... Особенно Зографскія новыя постройки великолѣпны, царственны!... Но обѣ эти обители имѣли издавна большія имѣнія въ Бессарабіи съ опредѣленными и вѣрными доходами. Братія у нихъ сравнительно не очень многочисленна.—А Русскіе монахи всѣ почти тѣсняются въ двухъ большихъ Киновіяхъ: въ Русскѣ и въ Серафѣ, или Андреевскомъ Скиту.—Вообще на Св. Горѣ русскихъ немного;—на семь или восемь тысячъ монаховъ нашихъ, кажется, тысяча съ небольшимъ;—иные говорятъ, что и того не будетъ! Греки и Болгаре, хотя и въ бѣльшемъ числѣ, но разсѣяны по 19-ти монастырямъ, по нѣсколькимъ зависимымъ скитамъ и по множеству пустынныхъ келлій, хижинъ, шалашей, пещеръ;—Русскихъ же въ *Русскѣ* около 400 (не считая постоянныхъ поклонниковъ, которыхъ надобно помѣстить), а въ Андреевскомъ Скиту больше 200.—Имѣній большихъ нѣтъ ни у Руссика, ни у Андреевскаго Скита.—Устроились они очень недавно все на добровольныя подаянія изъ Россіи.—Скитъ воздвигся необычайно быстро и выросъ въ цѣлую обитель изъ одного Патріаршаго дома.—Въ Русскѣ наши монахи, приглашенные Греками, нашли почти одни развалины и бѣдность.—Теперь это самый многолюдный и оживленный монастырь. И монастырь этотъ и Скитъ Св. Андрея и теперь все еще строятся, и все еще въ нихъ тѣсно.—

Понятно, послѣ этого почему въ постройкахъ русскихъ видна сѣбшность, потребность дешевизны и первыхъ удобствъ;—узкіе темные корридоры вмѣсто широкихъ и открытых Зографскихъ галлерей;—кирпичъ и штукатурка бѣлая или сѣроватая, или желтая, вмѣсто прекраснаго, тесанаго камня Зографа и Ватопеда;—простыя четырехугольныя окна на казарменныхъ стѣнахъ вмѣсто оконъ изящныхъ, окруженныхъ и широкихъ, иногда двойныхъ съ колонкой посрединѣ, которыми любуешься въ Греко-Болгарскихъ обителяхъ.—У Русскихъ обыкновенно приземистыя трубы на крышахъ, въ нихъ и видишь только скучныя обыкновенныя трубы, видишь *пользу*, теплоту печей.... Тогда какъ, подъѣзжая къ Ватопеду, дивишься на цѣлый лѣсъ мелкихъ, круглыхъ и

высокихъ *колонокъ* съ красными капителями на верху, покрывающихъ крыши солидныхъ корпусовъ... Что такое это?— Это тоже трубы; но трубы *несъипныя*; это трубы художественныя....

Да! если разсматривать дѣло только съ точки зрѣнія результата и красоты—русскія обители не очень хороши.— Но если знать и помнить всѣ трудности, съ которыми русскіе монахи боролись, всю, вынужденную обстоятельствами *спѣшность* созиданія, быстрый ростъ ихъ обителей; безчисленные и сложные заботы, которыя обременяли ихъ духовныхъ вождей на чужой сторонѣ:—неопредѣленность доходовъ, долги, требованія нѣкотораго рода дипломатіи при всемъ этомъ, то критическая строгость умолкаетъ и остается одно чувство—уваженіе къ ихъ практическому уму и нравственной силѣ.—

Скажу еще вотъ что: и въ Русскѣ и въ Андреевскомъ Скиту *прежде всего* позаботились о красотѣ и богатствѣ храмовъ, а *потомъ* объ удобствахъ для посѣтителей и о помѣщеніи для братіи.—Въ обѣихъ обителяхъ иноки, видимо, считали долгомъ деньги благотворителей употребить прежде всего на украшеніе Церквей своихъ.—

Такъ понимаютъ Аѳонскіе монахи свой долгъ! Чтобы яснѣе видѣть, что такое *честное* монашество стоитъ только изъ Церкви, гдѣ блистаетъ золото, серебро, хрусталь, дорогія иконы, облаченія дорогія,—пойти въ тѣсную, душную комнату монаха, или спуститься въ трапезу, гдѣ братія ѣстъ „*травку и травку*“, какъ писалъ и жаловался Г. Благовѣщенскій въ своей книгѣ объ *Афонѣ*.—

П И С Ь М О 2-е.

Июнь. 24. 1872 г.

Монашескіе характеры, я кажется писалъ тебѣ, на Аѳонѣ очень разнообразны.—Правила и образъ жизни, уставы, степени отреченія, подчиненія и свободы также очень различны.—

Какъ ни грустно мнѣ, какъ ни занять я самъ собою и тысячей вопросовъ, которые теперь для меня вопросы жизни и смерти, я не могу не видѣть того что меня окружаетъ здѣсь.—

Самые это вопросы, которые я безпрестанно долженъ задавать себѣ, вынуждаютъ меня иногда быть внимательнымъ къ тому, что происходитъ вокругъ меня. Я хочу поучаться примѣромъ другихъ и испытывать себя путемъ сравненія.—

И не стану говорить тебѣ сколько здѣсь монастырей, скитовъ, монаховъ. Ты все это найдешь, если захочешь, подробно изложеннымъ въ другихъ книгахъ и статьяхъ..., Отыщи ихъ, если тебя это занимаетъ.—Можешь прочесть, напримѣръ, небольшую статью „Панславизмъ на Аѳонѣ“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за этотъ годъ. Тамъ это все есть.—

Святогорецъ говорить, что на Аѳонѣ монаху предстоитъ по крайней мѣрѣ до восьми различныхъ образовъ жизни.— И нахожу, что ихъ гораздо больше если считать уклоненія и отбѣжки.

Но пусть будетъ 8. И перечту на память:—

1. *Киновиі*; общежительные монастыри,—гдѣ все общее, гдѣ все равны.—Большая строгость.—

2. *Идіоритмы*, монастыри своеобычные;—не строгіе;—гдѣ не все общее и гдѣ каждый имѣетъ значительную долю свободы.—

3. *Отдѣльныя келліи* (дома съ домовыми церквами) въ монастырей. Жизнь вдвоемъ, втроемъ и т. д. безъ опредѣленнаго устава.—

4. *Калитвы*—пустынные хижины безъ домовыхъ церквей.—

5. Жизнь въ *Скитахъ русскихъ*, на подобіе *общежительныхъ* монастырей; въ общихъ „корпусахъ“ зданій.—

6. Жизнь въ *скитахъ Греческихъ*;—на подобіе *села*, состоящаго изъ *отдѣльныхъ* домовъ или келлій;—уставъ строгій, но образъ жизни походящій съ нѣкоторыхъ сторонъ, на *идіоритмы*.—

7. Отдѣльныя *монашескія* квартиры на *Карей*, афонскомъ городкѣ.—

8. *Пещеры* въ *лѣсахъ*, по берегу моря, въ безлѣсныхъ скалахъ;—просто подъ камнями, подъ открытымъ небомъ.—

Поговоримъ—о самой главной формѣ Святогорской жизни—формѣ *Киновиальной*.

Въ Киновіяхъ всѣ болѣе или менѣе равны, всѣ подчинены одинаково и безусловно избранному обществомъ игумену, и, помощникамъ его, главнымъ духовникамъ.—*Собственности* не сохраняетъ при себѣ *никто*.—*Все* отдается въ *общую* кассу;—но въ случаѣ неудовольствія и твердой рѣшимости оставить монастырь хорошее монастырское начальство выдаетъ обратно непокорному сыну внесенный имъ вкладъ.—

Киновіи могутъ служить прекраснымъ предметомъ изученія для самихъ коммунистовъ.—Изучая Киновіи можно допустить, что коммунизмъ, не какъ всеобщій законъ, а какъ *частное проявленіе* общественной жизни возможенъ, но лишь подъ условіемъ величайшей дисциплины и даже, если хочешь, страха.—Эта дисциплина, этотъ страхъ не матеріальной природы;—это несокрушимая *идеальная* узда вѣры, любви и почтенія.—Въ страхѣ христіанскомъ если и есть эгоизмъ, т. е. забота о загробномъ спасеніи души, при *разочарованіи во всемъ земномъ и непрочномъ*, то называть этого рода заботу эгоизмомъ (какъ выдумали многіе и не изъ крайнихъ про-свѣтителей нынѣшняго человѣчества)—было бы уже самымъ недобросовѣстной натяжкой! Положимъ думать о *загробномъ* спасеніи—эгоизмъ;—но, благодаря этому воздушному, туманному, отдаленному и неосязательному эгоизму, отъ сколькихъ движеній эгоизма грубаго, *земнаго*, ежедневнаго освобождается хорошій христіанинъ!—Какое высокое забвеніе личнаго *своенравія*!—Какая покорность *идетъ*!—Солдаты и не слишкомъ плохой, быть можетъ и патріотъ, въ иную минуту, не бѣжитъ изъ полка отъ матеріальнаго страха, отъ

боязни, что его разстрѣляютъ, прогонятъ сквозь строй, или соплотъ на каторгу.—Монахъ-киновіать въ самую тяжкую минуту (а какъ часты эти тяжкія минуты въ многолюдной и трудовой общинѣ!) не бѣжитъ изъ обители отъ одной *идеальной* боязни *грѣха*, то есть отъ страха оскорбить и прогнѣвать Божество, которое его создало и дало ему разумъ и волю для внутренней борьбы противъ злаго начала, присущаго мірозданію.—

Уничтожь въ себѣ *волю!*—Тебѣ не хочется сегодня молиться?—Молитвы тебѣ кажутся сухими;—онѣ ничего не говорятъ твоему воображенію и сердцу.—„Молись! говоритъ духовникъ:—повѣрь мнѣ, сынъ мой, что пачнешь ты съ досадою и тоскою, а встрѣтишь потомъ одно или два слова въ этихъ заказныхъ молитвахъ, отъ которыхъ вдругъ раскроется душа твоя въ радости и ты будешь утѣшенъ и награжденъ тутъ-же за твое усиліе“.—И это правда.—Я это самъ испыталь...—

Уничтожь въ себѣ *волю!*—Ты хочешь спать?—Звонятъ къ заутренѣ въ полночь.—Ты хочешь ѣсть?—Потерпи.—Ты хочешь разговаривать вечеромъ съ другомъ, особенно если ты молодъ.—*Старый батюшка*, старшій духовникъ обходитъ корридоры и стучитъ въ вашу дверь, предлагая разойтись и не договариваться по неопытности до предметовъ, которые могутъ послѣ смутить васъ и быть вамъ вредны.—Хочешь ты прочесть новую книгу?—Безъ *благословенія* нельзя.—Спужу я теперь, передъ вечерней, въ моей кельѣ; минута свободная нашлась.—Я видѣлъ у пріѣзжаго мірянина, кажется, хорошую книгу на столѣ;—духовную, вѣроятно, книгу, писанную свѣтскимъ человѣкомъ:—„*Сущность христіанства*“.. Отчего бы не прочесть ее?—Но духовникъ, измученный недугами и бдѣніемъ ночнымъ, легъ отдохнуть.—*Старецъ* мой (особый наставникъ иноческой жизни, которому я порученъ) занятъ теперь дѣломъ.—Я не смѣю прочесть эту книгу.—Потомъ, улучивъ минуту, прошу благословить.—„Нѣтъ благословенія читать тебѣ эту книгу“.

Я огорченъ и сообщаю мимоходомъ свое горе другому монаху, ученому; онъ былъ въ Академіи и книгу эту недавно я видѣлъ въ его рукахъ.—

— Ты не *понесешь* этой книги, отвѣчаетъ онъ мнѣ; ты еще легкомысленъ.—

Вотъ и оскорбленіе!—Горе?—Нѣтъ!—Оскорбленію надо радоваться;—и еще больше, когда оно *незаслужено*.—Чѣмъ же я легкомысленъ?—Не тѣмъ ли, что, покинувъ мать, отца, домъ въ дальней родинѣ и деньги, быть можетъ и молодую невѣсту, театры и гулянья городскія?!. Да! быть можетъ этотъ монахъ, который меня, бѣднаго, называлъ легкомысленнымъ и неправъ.—Но я не знаю этого *навѣрное* и потому лучше думать, что онъ правъ;—не гнѣваться мнѣ на него надо, а благодарить и благословлять его.—Я иду къ нему и падаю ему въ ноги:—„простите, отецъ, я осуждалъ васъ сегодня за ваши слова о моемъ легкомысліи“.—Онъ отвѣчаетъ мнѣ тоже земнымъ поклономъ.—Мы примирены.—Я радъ, я счастливъ!—Но надолго ли я спокоенъ совѣстью?—По природѣ моеѣ я, или вовсе незлобивъ и не вспыльчивъ, или обладаю твердой волей, которая иногда довольно легко овладѣваетъ моими увлеченіями.—Такіе случаи, въ которыхъ я обнаруживаю мое смиреніе, мою доброту и покорность, повторяются часто.—Я какъ будто счастливъ и спокоенъ;—здоровье мое крѣпко и позволяетъ мнѣ выносить безъ худыхъ послѣдствій долгое лѣніе въ церкви, бдѣнія ночныя во храмѣ въ обыкновенные дни по четыре часа, а подъ иные праздники по тринадцати часовъ, до самаго разсвѣта.—Силы мои, слава Богу, такъ свѣжи, привычка къ тѣлеснымъ, монашескимъ подвигамъ у меня уже такъ сильна, что я, простоявши всю ночь на ногахъ въ *стасидіи* ¹⁾, могу еще наслаждаться тѣмъ, что утренняя заря за моремъ занимается именно въ ту минуту, когда во храмѣ нашемъ возглашаютъ:—„Слава Тебѣ показавшему намъ свѣтъ!“—

Да, я счастливъ;—братія хвалятъ мое усердіе и мое незлобіе;—самъ старый батюшка иногда улыбается милостиво, благословляя меня, когда я ему кланяюсь[,] и говоритъ: „Ну, что-жъ ты, вѣтрогонъ, благодушествуешь теперь, я вижу, мирствуешь, благодаря Господа?“—

И вотъ.... неслышно, незамѣтно начинаетъ поѣдать душу мою тайный червь—*гордости*;—но какой гордости?—Не мірской вашей гордости, которая кичится властью, деньгами, побѣдами надъ *другими людьми* въ спорахъ, въ дѣлахъ, въ

¹⁾ *Примѣч. авт.* *Стасидія*; въ греческихъ церквахъ вокругъ стѣнъ устроены особыя мѣста, чтобы облакачиваться.